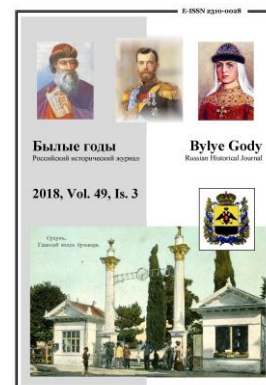

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1186-1194. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1186
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Agriculture in the North Caucasus in late 19th – early 20th century: Evolutional Challenges

Valery N. Ratushnyak ^{a, *}, Tatyana V. Ratushnyak ^a

^a Kuban State University, Russian Federation

Abstract

North Caucasian region as integral part of the Caucasus is justly considered one of the most ancient world agricultural centers. The origins of the North Caucasian contemporary agriculture date back to late 19th century when crop farming had become strategic one in the regional agricultural output especially in its steppe part. However the agricultural progressive growth in the region wasn't carried in no uncertain terms that depended firstly on the socioeconomic conditions (possession of much land in steppe zone and land scarcity in the foothill, rent development etc.). Humus high content in the steppe plough layer predicated the long-term application of extensive agriculture systems and also systemless soil exploitation. But that entirely didn't cause slack period in development of capitalist production where hired labor and the newest technic were being used more widely. For that time using of fallow-swidden farming resulted from economic efficiency. Not high crop yield but on large land size was paid back by means of insignificant expenses of extensive farming. But while reducing field boundaries Kuban Cossacks and Stavropol peasants more often were passing on to more intensive systems of soil cultivation. In the foothills where crop farming was developing by means of higher labor efforts of manufacturer there was curtailing of several grain crops resulted from their growth in the steppe zone.

Keywords: North Caucasus, crop farming, agricultural systems, steppes, foothills, tobacco, grain, tilled crops, community, crop rotation.

1. Введение

Известно, что сельское хозяйство в дореволюционной России являлось важнейшим сектором экономики. Благополучие большей части населения Российской империи зависело от уровня развития земледелия, эволюция которого шла в целом поступательно, но по-разному, в зависимости от социально-экономических и природно-географических факторов, неодинаковых в различных регионах страны. Специфическими они были и на Северном Кавказе, который на рубеже XIX и XX вв. заявил о себе как о крупнейшем производителе сельскохозяйственных культур, особенно зерна. Задача статьи состоит в том, чтобы проследить, как развивалось земледелие Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв., выявить, что способствовало, а что тормозило это развитие.

2. Материалы и методы

2.1. Статья базируется, прежде всего, на хорошо апробированных в исторических исследованиях статистических источниках, таких, как статистика Российской империи, статистика табаководства, статистические сведения Екатеринодарского биржевого комитета. Дополняют источниковую базу аутентичные данные, извлеченные из архивохранилищ северокавказского региона. Широкая источниковая фактура содержится в исследованиях дореволюционных и советских историков.

* Corresponding author

E-mail addresses: ratushnyak_vn@mail.ru (V.N. Ratushnyak),
tatyana.ratushnyak@mail.ru (T.V. Ratushnyak)

2.2. Методологическую основу статьи составляют основополагающие принципы историзма, объективности и системности. Принцип историзма позволил учесть социально-экономическую ситуацию развития земледелия в конкретную историческую эпоху. Принцип объективности дал возможность учесть всю совокупность выявленных фактов с учетом степени их достоверности. Системный метод позволил увидеть земледелие как единую развивающуюся систему, несмотря на различия земледельчества в разных районах и у разных сословных групп населения. Из специально-исторических методов применялись историко-генетический и историко-сравнительный. Первый позволил проследить генетическую связь развития земледелия во времени и пространстве. Второй метод дал возможность выделить специфические черты эволюции земледелия Северного Кавказа.

3. Обсуждение

Вопрос о специфике эволюции земледелия Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. почти не изучен, хотя предпосылки для этого были (Ратушняк, 1973; Ратушняк, 1977; Ратушняк, 1985). Кроме того, есть близкие по тематике работы дореволюционных (Щербина, 1889; Колесников, 1909) и советских авторов (Скворцов, 1924; Ортабаев, 1979).

Особенно следует отметить оригинальную работу П.П. Раждаева, в которой автор, опираясь на географическое и хозяйственное районирование Северного Кавказа, оценил эволюцию казачьих, русских и горских крестьянских хозяйств большинства районов региона в начале XX в. В своей работе он детально проанализировал основные типы этих хозяйств, господствовавшие системы полеводства, причины их трансформации и консервации (Раждаев, 1925).

Привлекательна своими статистическими сведениями обстоятельная статья Л.М. Бобырь-Бухановского (Бобырь-Бухановский, 1913). В 1912 г. он путем выборки обследовал около десятка степных станиц Кубанской области, уделив особое внимание их земледельческому производству.

О формировании земледельческого капитализма в Северокавказском крае по мере расширения российского капитализма писал профессор МГУ А.В. Фадеев (Фадеев, 1959).

Земледельческим орудиям, системам земледелия и обрядам, связанным с сельскохозяйственным календарем, посвящена монография Б.А. Калоева (Калоев, 1981). К сожалению, автор не вник в научное понимание плодосменной системы земледелия и поэтому несколько исказил картину ее распространения на Северном Кавказе, тем не менее его книга и сегодня остается полезной для изучения северокавказского земледелия.

4. Результаты

Известно, что северокавказский регион – составная часть Кавказа, который по праву относится к одному из древнейших очагов мирового земледелия. При всем разнообразии природно-климатических условий регион в целом благоприятен для развития сельскохозяйственного производства. Почвенный покров Северного Кавказа в зависимости от природно-географического ландшафта отличается большой пестротой. Однако на обширных степных просторах края в основном преобладают черноземы – наиболее пригодные для зернового земледелия. На 117 тыс. кв. км протянулись они в степных районах Предкавказья, причем более половины из них приходится на правобережье Кубани, где черноземные почвы отличаются особенно высоким содержанием гумуса (перегноя) в пахотном горизонте. Это одни из лучших в стране «пшеничные» почвы.

Менее благоприятны для земледелия почвы горных районов Закубанья, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, где тонкий почвенный покров нередко нарушается снежными обвалами и ливнями. Еще в дореформенный период это вызвало к жизни создание искусственных террасных полей, требующих больших трудовых затрат. Они стали исчезать в горах лишь в конце XIX в. в связи с дальнейшей специализацией земледелия и растущим приоритетом земледельческого производства на равнине (Калоев, 1981: 34).

Малопродуктивными и засушливыми были земли кочевых народов Ставрополя, и почти совсем не отвечала условиям земледелия территория Карачая, где пригодная для пашни земля составляла всего лишь 4,2 тыс. дес. или 1,2 % его площади (Труды Комиссии..., 1908: 38–40).

Вопрос о качестве почвы при исследовании пореформенного российского земледелия является далеко не праздным, хотя, как правило, игнорируется историками. Даже при анализе систем земледелия о плодородии обрабатываемой земли нередко не упоминают, хотя формы земледельчества и даже структура посевов зависели не только от социально-экономических факторов, но и в определенной степени от природно-географических условий.

В 1860–1880-е гг. на большей части равнинных земель северокавказского региона превалировала залежно-переложная система полеводства. Ее применение было обусловлено многоземельем и вольно-захватным землепользованием, что давало возможность земледельцам периодически заменять снизившие плодородие участки еще непаханными или отдохнувшими. В предгорнолесных зонах региона активно использовалась давно известная подсечная система полеводства. В высокогорных районах Северного Кавказа развивалось так называемое «террасное земледелие», при котором задействовались природные или искусственные земельные деланки, сооружались ирригационные системы, поддерживалось плодородие почвы внесением навоза. Искусственные поля нередко создавались за счет доставки качественной земли из отдаленных мест.

Но в конце XIX в. высокогорное полеводство уже не имело большого значения в деле снабжения его населения земледельческими продуктами. В степных же районах края, где в конце XIX в. продолжала господствовать залежно-переложная система земледелия, по мере ее усовершенствования допускались определенные отступления от ее классических образцов (сокращались сроки перелога, использовалась паренина, в структуру посевов вводились новые культуры – табак, бобовые). Но эти редкие отступления не меняли в целом основной сути данной формы земледелия. Поэтому трудно согласиться, даже с оговорками, с утверждением Б.А. Калоева о почти повсеместном распространении «плодосменной системы» на всей территории региона во второй половине XIX в. (Калоев, 1981: 62). Действительно, дореволюционные исследователи земледелия Северного Кавказа нередко оперировали таким понятием, как «плодосмен», но оно у них было далеко не адекватно научному пониманию «плодосменной системы», а выражало лишь севообороты с любой комбинационной сменой сельскохозяйственных культур во времени и пространстве, даже если эти культуры были исключительно зерновыми. По-видимому, и Б.А. Калоев имел в виду подобный плодосмен. Об этом свидетельствуют его ссылки на авторитетные данные таких, например, исследователей, как В.П. Христианович, который писал о чередовании зерновых посевов и даже о постоянном использовании залежи (Христианович, 1926: 62).

Между тем известно, что «плодосменная система земледелия» требует чередования зерновых культур не между собой, а с бобовыми и пропашными. Причем последние должны занимать не менее половины засеянной площади. При этом из севооборота начисто исключается не только залежь, но и чистый пар (незанятое паровое поле) (Коссинский и др., 1980: 150–152; Агрономия с основами ботаники, 1980: 156).

В то же время, как это подчеркнул и Б.А.Калоев, пропашные культуры (картофель и т.д.) до 1880-х гг. еще не входили в структуру полевых культур, их разводили в основном на огородах. Горох и фасоль высевались немного, и совсем не культивировались сахарная свекла и кормовые травы (клевер, люцерна и т.п.). Применение наиболее интенсивной «плодосменной системы земледелия» требовало не только больших затрат человеческого труда, но и капитала, использования усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и новейших агрономических знаний. Творческая мысль земледельца неустанно искала способы сохранения и повышения почвенного плодородия, нередко предвосхищая и используя отдельные элементы будущих интенсивных систем земледелия, в том числе и плодосменной.

С увеличением численности населения, ростом посевных площадей, переходом земледельцев от вольно-захватного землепользования к передельно-паевому, перебазированием части горского населения на более удобные равнинные земли, развитием торгово-предпринимательских отношений модифицировались и системы полеводства. Уже в конце XIX – начале XX вв. в северокавказском регионе встречались хозяйства, которые высевали земледельческие культуры по черному пару, использовали многопольный севооборот, применяли искусственное травосеяние, боролись за сохранение плодородия почвы, применяя пропашные культуры. Использование интенсивных систем полеводства, прежде всего, плодосменной, вставало на повестку дня земледельца (ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2980. Л. 169–170; Котов, 1900: 45, 68–85).

Конечно, высокая для своего времени культура земледелия была доступна не каждому, а прежде всего зажиточным хозяевам. И чем меньше был груз пережиточных форм общественных отношений, патриархальных порядков и традиций, чем лучше крестьянство было обеспечено землей и выше был общий социально-экономический уровень развития деревни, тем больше открывались возможности для внедрения более прогрессивных систем земледелия, экономически целесообразнее использовалось естественное плодородие почвы. Так, по данным А. Твалчрелидзе, в конце XIX в. в Ставропольской губернии до 30 % сел практиковали трехполье, почти столько же – плодосмен, до 17 % – залежную систему. В остальных селениях использовались как те, так и другие формы земледелия (Твалчрелидзе, 1897: 5–734). Прогресс, как видим, налицо, хотя, конечно, нельзя абсолютизировать эти данные. Применяемый плодосмен в большинстве случаев был тот, о котором писали многие дореволюционные авторы, а также и Б.А. Калоев. Однако не исключено, что использовалась и близкая к ее классическому типу плодосменная система. Но ее использование было возможно лишь в капиталистически поставленных хозяйствах. В остальных хозяйствах она в лучшем случае представляла собой ее суррогат.

В той же мере это относится и к паровой системе земледелия. Даже в 1913 г. старший инструктор по сельскому хозяйству Благодарненского уезда Ставропольской губернии С.Л. Сурмилов писал, что вроде бы многие сельские общества применяют трехпольный севооборот, но классического чередования культур (пар, озимые, яровые) у сельских хозяев он не заметил (ГАСК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 14. Л. 52).

Еще меньше прогресс в эволюции систем земледелия наблюдался в казачьих областях Северного Кавказа. Объезжая в 1903 г. Ейский отдел Кубанской области, его атаман, полковник А.Я. Кухаренко, отмечал, что из 39 посещенных им населенных пунктов, только в шести применялся трехпольный севооборот. «Обыкновенно, – писал он, – жители всю землю обращают под распашку и пашут ее из года в год, не давая перележать» (Ревизионный обзор, 1903: 83).

Борясь с этим, многие сельские общества принимали постановления о переходе всех пайщиков к трехполью. Однако этому решению подчинялись далеко не все. Корреспонденты

Екатеринодарского биржевого комитета сообщали, что постановление сельских сходов выполнялось в основном теми хозяевами, у которых было достаточно живого и мертвого инвентаря, позволявшего им на одну треть сократить засеваемую площадь, но при этом они тщательно ее обрабатывали, использовали лучшие семена и таким образом получали сборы зерна не меньше, чем прежде ([Екатеринодарский биржевой комитет, 1915: 8](#)).

Неэффективность указанных мер приводила к тому, что отдельные станичные общества стали сами брать на себя функции регулирования отдыха и эксплуатации паевой земли общинников. Так, в хуторе Балковском в 1902 г. вся предназначенная для казаков земля делилась на три клина, два из которых шли под пашню, а один под толоку (временный выгон для скота). В течение трех лет каждый клин два года пахался, а один был в кратковременной залежи. Несколько по-иному, но так же с периодическим предоставлением отдыха земле делился станичный юрт в станице Березанской ([Бобырь-Бухановский, 1913: 220–221](#)).

В 1913 г., как об этом можно судить по сведениям добровольных корреспондентов Екатеринодарского биржевого комитета, к так называемому трехполью перешло около 65 % кубанских земледельцев. Следует, однако, отметить, что в Кубанской области земля, которая отдыхала от посевов, как правило, предназначалась для выпаса скота (так называемая «толока») и почти никогда не была под «черным паром», т.е. предварительно не обрабатывалась для посевов. По сути, при такой системе настоящего отдыха земли и не было. Поэтому толочные земли не отличались высокими урожаями. В терских станицах, где еще в начале XX в. нередко практиковалась вольнозахватная форма землепользования, неупорядоченная эксплуатация земли была распространена еще больше, чем на Кубани. Анализируя положение так называемых малоземельных станиц, где по логике вещей должны были в первую очередь перейти к более рациональному землепользованию, младший агроном Терского казачьего войска писал в 1909 г. о том, что возможность для казаков вольно использовать свою землю приводила к тому, что ее хозяин пользовался ею до тех пор, пока она не превращалась в песок. А затем, совершив свое разрушительное по отношению к земле действие, переходил на новый участок ([ЦГА Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 261. Оп. 1. Д. 103. Л. 151](#)). Образно говоря, это была бессистемная «залежная» форма земледелия, которая по мере роста населения и расширения площади посевов постепенно эволюционировала в переложную, т.е. в такую, когда земледелец был вынужден возвращаться на старые пахотные участки через определенное время.

Противоречивой в этом отношении была и роль сельской общины. С одной стороны, она как бы содействовала унификации земельных порядков и даже проявляла заботу о сохранении плодородия почвы, а с другой – с каждым переделом сокращала сроки пользования паевыми участками и тем самым подрывала стимулы к их рациональному использованию и вложению капитала. Еще меньше было этих стимулов у многочисленных арендаторов надельных и частных земель, которые стремились выжать из арендованной на короткое время земли все, что можно было, при наименьших затратах. Лучшей иллюстрацией этому могут служить табачные плантации Черноморской губернии и Закубанья. Большая часть табаководов были турецкоподданными греками и русскими пришлыми крестьянами, арендовавшими у казаков и горцев небольшие участки земли под табачные плантации. Бессменно высевая табак несколько лет подряд, они приводили почву в непригодное состояние. Законоположение 1891 г., запрещавшее аренду казачьих паевых наделов более чем на год, не решало проблемы, да и имело в виду другие цели ([ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 11 \(1891 г.\). СПб., 1894. № 7782](#)). Однако аренда на короткий срок препятствовала рациональному использованию земель, не способствовала интенсификации сельскохозяйственного производства и в 1912 г. была заменена более долгосрочной ([ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 32 \(1912 г.\). Пг., 1914. № 37511](#)).

В горных районах Северного Кавказа мелкие наделы горских крестьян и в начале XX в. продолжали обрабатываться с затратой больших физических усилий. Как правило, они засевались полностью, но подвергались тщательной обработке и унавоживанию. В некоторых селениях, например, в горной Ингушетии, использовалась паровая система земледелия с ее классическим трехпольным севооборотом и применением черного пара ([Раждаев, 1925: 55](#)). Однако возрастающее поступление сельскохозяйственных продуктов с плоскостных районов Северного Кавказа делало нерентабельным их производство в горах.

На плоскости, где у горских крестьян земли было больше, чем в горах, да и земля была по качеству лучше, особенно на Кабардинской, Осетинской и Чеченской равнинах, известных своими черноземами, была распространена переложная система земледелия. Последняя широко использовалась и в Калмыцкой степи Ставрополя оседлыми и полuosедлыми ногайцами и туркменами.

Как видим, одна из наиболее экстенсивных систем земледелия – залежно-переложная – и в начале XX в., вплоть до революции 1917 г., оставалась на Северном Кавказе одной из ведущих форм поддержания плодородия почвы. Ее продолжительное существование объясняется, прежде всего, относительным многоземельем и экономической целесообразностью. За счет большей площади незначительные урожаи с нее вполне окупали расходы земледельца, а незанятые земли медленно, но все же восстанавливали свое плодородие. Переложная система, хотя и отражала вместе с другими социально-экономическими явлениями определенную ступень в развитии земледелия, в то же время не может служить показателем застоя капиталистического производства (с учетом, разумеется,

конкретного времени и обстановки). Аграрная эволюция Северного Кавказа лишней раз убеждает в этом: капиталистические отношения здесь в конце XIX – начале XX в. развивались довольно быстро.

Капиталистическая специализация сельского хозяйства Северного Кавказа обусловила сокращение скота, особенно на Кубани и Ставрополье, рост посевных площадей за счет вовлечения в обработку непаханных земельных площадей и уменьшения земель, предназначенных под толоку там, где целины уже не сохранилось. Это приводило как к позитивным, так и негативным результатам. С одной стороны, шла интенсификация земледелия: внедрялись интенсивные системы полеводства (плодосменная, зернопропашная и др.), зажиточные хозяева культивировали многопольные севообороты, травосеяние, ирригацию. С другой стороны, шло использование однопольного севооборота, так называемой «вольной» системы полеводства, когда много лет подряд на одной и той же площади высевали одну и ту же культуру, имевшую наибольший рыночный спрос. В степных станицах такими культурами были обычно пшеница и ячмень, в горских аулах Кубанской и Терской областей – просо и кукуруза, в селениях Черноморской губернии – табак. К началу Первой мировой войны третья часть земледельцев Северного Кавказа, в первую очередь арендаторы, мало заботилась о сохранении плодородия своих земель, ежегодно распахивая их под одни и те же культуры. Бесперывные посеы дольше всего выдерживали кубанские почвы с большим содержанием гумуса, но постепенно и их пахотный горизонт разрушался, изменялась структура почвы. В 1913 г. Екатеринодарский биржевой комитет обратился к кубанским земледельцам с вопросом, наблюдалось ли на их землях истощение почвы? Большинство корреспондентов ответило утвердительно. (*Екатеринодарский биржевой комитет, 1913: 6–7, 14–15, 22–23, 30–31, 38–39, 46–47, 54–55*).

П.Н. Раждаев, наблюдая подобные явления в Ставропольской губернии, отмечал, что там окончательно исчезли целинные земли. Стремясь получить как можно больше продуктов со своего надела, его хозяева оставляли долю отдыхающей земли меньше одной трети, да и то без навозного удобрения. Практиковавшаяся система земледелия не способствовала восстановлению почвенного плодородия, о чем свидетельствовало снижение урожаев (*Раждаев, 1925: 125*).

Подобное стало наблюдаться и в плоскостных горских селениях. Тот же П.Н. Раждаев писал, что в плоскостной Ингушетии в отдельных аулах залежную систему полеводства заменило «беспарье». Поля стали ежегодно засеивать кукурузой, не давая им отдыха и не применяя парования. За счет своего естественного плодородия почва долгое время переносила одни и те же культуры, но постепенно начинала истощаться, все чаще давая небольшие урожаи (*Раждаев, 1925: 88*).

Как бы переключаясь с П.Н. Раждаевым, почти то же о предреволюционной Кабарде писал В.П. Христианович. Он, в частности, отмечал, что в ряде кабардинских сел землю засеивали непрерывно без всякой залежи. Объяснение этому он видел в земельной нужде и в том, что земледельцы не понимали, что почвенное плодородие исчерпаемо даже при неприхотливости разводимой ими кукурузы (*Христианович, 1926: 63*). Первая причина особенно примечательна, ибо отражает условия, порождавшие сокращение залежей в период бурного роста товарного производства.

Наличие той или иной формы землевозделывания обусловило в свою очередь особенности и структуру севооборотов. При залежно-переложной системе земледелия по мере роста зернового производства и сокращения сроков залежи по-прежнему высевались лишь злаковые культуры, но с чередованием во времени озимых и яровых хлебов. Залежные участки при этом не обрабатывались, а, как правило, служили выгоном для скота (толокой) (*ГАСК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 14. Л. 37 об.*). При паровой системе земледелия культивировался трехпольный севооборот, когда пар чередовался с озимыми и яровыми хлебами. Однако в большинстве случаев этот севооборот был далек от его распространения в центре страны классического типа, давшего, по сути, второе название этой системе земледелия. В степных районах Северного Кавказа при его использовании нередки, как уже об этом говорилось выше, нарушался порядок чередования культур, а участок, находившийся под паром, не подвергался периодической обработке в течение года. Однако преимущество «трехполюя» по сравнению с переложной системой земледелия было очевидным, ибо оно давало возможность занимать под сельскохозяйственные культуры большую часть возделываемой земельной площади.

Еще больше отвечали потребностям времени многопольные севообороты при зернопропашной и плодосменной системах земледелия. В первом случае под чистые пары отводилось меньше площади, чем при трехполье, но они тщательно обрабатывались и удобрялись, а во втором – вместо чистого пара отдыхающие участки занимали кормовыми травами (клевером, люцерной и т.п.).

К развитию этих систем и многопольных севооборотов подталкивала не только истощенность почвы, но и распространение таких товарных пропашных культур, как кукуруза, табак, подсолнечник, а затем и сахарная свекла. Первыми такие севообороты заводили обычно аграрии-предприниматели – владельцы капиталистических экономий, а затем и зажиточные крестьяне, как это было, например, в Ольгинском и Романовском крестьянских селениях Ставропольской губернии. Здесь с 1897 г. был выработан следующий севооборот: 1-й год – черный пар, 2-й год – озимая пшеница, 3-й год – ячмень или яровая пшеница, 4-й год – кукуруза или однолетние кормовые травы. Кукурузу иногда заменяли другими культурами. Использование такого севооборота с сочетанием пропашных культур и пара значительно повышало урожайность сельскохозяйственных культур.

Однако степень распространения подобных севооборотов в хозяйствах Северного Кавказа была в начале XX в. весьма незначительной. Так, П.Н. Раждаев, один из немногих исследователей, кто

специально изучал условия и организацию крестьянских хозяйств в регионе накануне революции 1917 г., писал о полеводстве ставропольских крестьян, что у них не существовало однообразия в севооборотах: случалось, что после трехлетнего посева озимых хлебов три года поле засевали яровыми или же после двух лет посевов озимых поле пускали под толоку, затем опять в течение трех лет его засевали озимыми. А были случаи, когда после озимых хлебов поле более десяти лет засевали яровыми (Раждаев, 1925: 124–125).

То же можно было наблюдать и в других районах Северного Кавказа. В 1915 г. Екатеринодарский биржевой комитет разослал анкету в станицы и селения Кубани, в которой, в частности, был поставлен вопрос о применяемых хозяевами севооборотах. 240 из 391 респондента, или 61,4 %, ответили об отсутствии в их сельских обществах правильных севооборотов. Лишь 38 анкетированных сообщили о применении четырехпольных и многопольных севооборотов в их станицах (Екатеринодарский биржевой комитет, 1916: 21).

В горских селениях Северного Кавказа, расположенных на плоскости, по свидетельству того же П.Н. Раждаева, в связи с господством залежной системы земледелия правильных севооборотов не наблюдалось. Но приверженность, например, чеченцев и осетин к посевам кукурузы создавала предпосылки для чередования пропашных и злаковых культур, а следовательно, к поддержанию более благоприятного режима почвы. Однако пшеничный ажиотаж не обошел стороной и горцев, что выразилось в стремлении горского населения заменять кукурузу посевами пшеницы. В горных аулах, где земельные участки были мизерными, севообороты не отличались большим разнообразием, но почва обрабатывалась более тщательно, больше внимания уделялось внесению естественного плодородия (Раждаев, 1925: 35–94).

Экстенсивное в основном полеводство Северного Кавказа обуславливало невысокую урожайность земледельческих культур. Прежде всего, это относилось к ведущей зерновой культуре региона – пшенице, которая на рубеже XIX и XX вв. занимала свыше половины посевов Северного Кавказа. Ее среднегодовая урожайность в 1896–1913 гг. составляла не более 54 пуд. с 1 дес. Даже в Европейской России она была выше (до 59 пуд.). Причем самая низкая урожайность в регионе была в Черноморской и Ставропольской губерниях (ниже 50 дес.), наиболее высокая – в Кубанской области, где она приближалась к уровню Европейской России (Статистика Российской империи, 1893–1914: 26–81). Более высокой, чем в центральной части страны, была урожайность яровой пшеницы, повыше – урожайность и других зерновых культур (ячменя, овса, проса). А вот урожайность картофеля и табака была намного ниже. Картофель выращивался главным образом для собственных нужд или для ограниченного одним селением местного рынка, поэтому его разводили на приусадебных огородах или на более плохих полевых участках, не занятых такими торговыми культурами, как зерновые, табак или подсолнечник. К тому же высокая и довольно сухая летняя температура Северного Кавказа отрицательно сказывалась на развитии клубней, снижала урожайность картофеля.

Что касается табака, то здесь следует, прежде всего, отметить, что на Северном Кавказе культивировались главным образом высшие сорта табака из турецких семян, урожайность которых в силу их природных данных была выше, чем низших сортов (махорки и др.), разводимых в большинстве губерний России. Однако, если мы сравним урожайность идентичных сортов табака на Северном Кавказе и в других районах страны (Таврическая, Бессарабская и другие губернии), то увидим, что на Северном Кавказе она была выше, составляя в среднем за 1911–1915 гг. 73 пуд. с 1 дес., а в указанных губерниях только 60 пуд. (Статистика табаководства, 1927: 6–7). И все же урожайность северокавказского табака следует признать невысокой. Главная причина этого состояла в том, что табаководством в основном занимались арендаторы, которые при наименьших затратах пытались получить наилучшие результаты. Между тем такая культура, как табак, обязательно требует использования правильных севооборотов, без чего почва под табаком буквально в течение нескольких лет очень истощается. Так, в наиболее крупном табаководческом районе – на Кубани – в 1914 г. из 4 504 табачных плантаторов 3 904, или 86,6 %, были арендаторами, к тому же 2 930 из них были иностранноподданными (Отрыганьев, 1919: 20). В отличие от прогрессирующего роста урожайности табачной культуры в Европейской России на Северном Кавказе и, прежде всего, на Кубани, такого роста, как свидетельствуют данные урожаев, не наблюдалось.

Наконец, отметим и такой факт: урожайность сельскохозяйственных культур на надельных и частновладельческих землях была далеко не одинаковой. Как и в Европейской России, за редким исключением (на Северном Кавказе таким исключением был картофель) частновладельческие земли Северного Кавказа давали в среднем с 1 дес. более высокие урожаи, чем надельные. Это зависело не только от материально-производственной базы частновладельческих хозяйств, которая в целом была выше, чем в крестьянских и казачьих надельных хозяйствах, но и от качества земли, которое, как правило, было лучше.

5. Заключение

Изучение развития земледелия Северного Кавказа демонстрирует поступательную, но не прямолинейную его эволюцию. Причины этого коренились не столько в природно-географических условиях земледелия, что тоже нельзя игнорировать, сколько в социально-экономических факторах (рост населения, многоземелье в степных районах и малоземелье в горных, специфика

трансформации земельных порядков в общинах, рост товарного производства и т.д.). Тот же факт, что в степных, а отчасти и плоскостных районах Северокавказского края, наличествовали плодородные высокогумусные почвы, представлял возможность земледельцам долгое время применять экстенсивные системы земледелия, а кое-где и бессистемно эксплуатировать почву. Однако это вовсе не означало застоя в развитии капиталистического производства в земледелии, где все активнее внедрялись наемный рабочий труд и усовершенствованная сельскохозяйственная техника. Использование экстенсивных систем земледелия, прежде всего, залежно-переложной, диктовалось в то время экономическою целесообразностью. Небольшая урожайность, но на значительной площади, вполне окупала предварительные расходы экстенсивного хозяйства. Но уже тогда в губерниях и областях Северного Кавказа встречались экономически крепкие частновладельческие хозяйства с использованием классических образцов плодосменной и других интенсивных систем полеводства. Причем их становилось все больше. Да и казаки, и крестьяне все чаще переходили к более рациональному способу ведения земледельческого хозяйства. Иногда этому способствовали сельские общества, выносившие решение об обязательном соблюдении трехпольного севооборота.

В горских селениях края, расположенных на плоскости, господствовали экстенсивные системы земледелия без правильных севооборотов. Однако внедрение в полевой клин посевов кукурузы создавало предпосылки для чередования непропашных и пропашных культур, а, следовательно, и поддержания более благоприятного режима почвы. В горных и предгорных зонах, менее удобных для расширенного товарно-зернового производства, в связи с ростом конкуренции более дешевых сельскохозяйственных продуктов степных и плоскостных районов Северного Кавказа, шло сокращение посевов ряда зерновых культур, делая невыгодным их производство. При всем том земледелие оставалось традиционным занятием горского населения.

Литература

Агрономия..., 1980 – Агрономия с основами ботаники. М., 1980.

Бобырь-Бухановский, 1913 – *Бобырь-Бухановский Л.М.* Условия развития и внутренний строй сельского хозяйства на Кубани // *Известия общества любителей изучения Кубанской области*. Екатеринодар, 1913. Вып. 6. С. 217–253.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Екатеринодарский биржевой комитет, 1915 – Екатеринодарский биржевой комитет. Урожай 1914 года и засоренность хлебов в Кубанской области в связи с общими условиями сельского хозяйства. Екатеринодар, 1915. 62 с.

Екатеринодарский биржевой комитет, 1913 – Екатеринодарский биржевой комитет. Урожай хлебов в 1913 году. Екатеринодар, 1913. 60 с.

Екатеринодарский биржевой комитет, 1916 – Екатеринодарский биржевой комитет. Урожай 1915 года и засоренность хлебов в Кубанской области в связи с общим состоянием сельского хозяйства. Екатеринодар, 1916. 64 с.

Калоев, 1981 – *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. 249 с.

Колесников, 1909 – *Колесников В.П.* Казачье землепользование на Кубани и меры к его улучшению. Екатеринодар, 1909. 23 с.

Коссинский, 1980 – *Коссинский В.С., Рубанов А.М., Ткачев В.В., Сучилина А.А.* Основы земледелия и растениеводства. М., 1980. 423 с.

Котов, 1900 – *Котов П.Н.* Описание кубанского имения «Хуторок» барона В.Р. Штейнгеля, 1900 г. М., 1900. 196 с.

Отрыганьев, 1919 – *Отрыганьев А.Л.* Табаководство в Кубанском крае. Статистический обзор. Екатеринодар – Армавир, 1919. 48 с.

Ортабаев, 1979 – *Ортабаев Б.Х.* Земельные отношения и развитие капитализма в сельском хозяйстве Северной Осетии в конце XIX – начале XX вв. (1890–1917 гг.). Орджоникидзе, 1979. 182 с.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

Раждаев, 1925 – *Раждаев П.Н.* Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов на/Д, 1925. 260 с.

Ратушняк, 1973 – *Ратушняк В.Н.* Эволюция землепользования и систем земледелия на Кубани (конец XVIII в. – 1917 г.) // *Проблемы отечественной истории*. М., 1973. Ч. 1. С. 208–227.

Ратушняк, 1977 – *Ратушняк В.Н.* К вопросу о земельных отношениях в горском ауле Кубанской области в период капитализма // *Сборник статей по истории Адыгеи*. Майкоп, 1977. Вып. 1. С. 98–111.

Ратушняк, 1985 – *Ратушняк В.Н.* О некоторых спорных вопросах современной теории и исторической практики систем земледелия // *Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. Трудовые традиции крестьян*. Новосибирск, 1985. С. 7–20.

Ревизионный обзор населенных пунктов..., 1903 – Ревизионный обзор населенных пунктов Ейского отдела Кубанской области, произведенный в 1903 г. атаманом Ейского отдела, полковником А.Я. Кухаренко. Ейск, 1903. 135 с.

Скворцов, 1924 – *Скворцов С.А.* Землевание в Кубанской области: использование земель общинами Кубани. Краснодар, 1924. 148 с.

[Статистика Российской империи...](#) – Статистика Российской империи. Урожай 1892–1913. СПб., 1893–1914. 420 с.

[Статистика табаководства...](#), 1927 – Статистика табаководства и табачного производства в дореволюционной России (1877–1916 гг.) // Сост. П.А. Нарден. М.; Л., 1927. 27 с.

[Твалчрелидзе, 1897](#) – *Твалчрелидзе А.* Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. 741 с.

[Труды Комиссии по исследованию...](#), 1908 – Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области. Владикавказ, 1908. 167 с.

[Фадеев, 1959](#) – *Фадеев А.В.* Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России (к проблеме развития капитализма вширь) // *История СССР*. 1959. № 6. С. 40–62.

[Христианович, 1926](#) – *Христианович В.П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды // *Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды*. Воронеж, 1926. Т. 2. Вып. 2. С. 20–165.

[ЦГА РСО-А](#) – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания .

[Щербина, 1889](#) – *Щербина Ф.А.* Земельная община кубанских казаков. Воронеж, 1889. 207 с.

References

[Agronomiya...](#), 1980 – *Agronomiya s osnovami botaniki* [Agronomy with botany principles]. М. [in Russian]

[Boby'r'-Bukhanovskii, 1913](#) – *Boby'r'-Bukhanovskii L.M.* (1913). Usloviya razvitiya i vnutrennii stroi sel'skogo khozyaistva na Kubani [Conditions and internals of agriculture in the Kuban]. *Izvestiya obshchestva lyubitelei izucheniya Kubanskoj oblasti*. Ekaterinodar. № 6. pp. 217–253. [in Russian]

[Ekaterinodarskii birzhevoi komitet, 1913](#) – Ekaterinodarskii birzhevoi komitet. Urozhai khlebov v 1913 godu [Ekaterinodar exchange committee. Grain harvest of 1913]. Ekaterinodar, 1913. 60 p. [in Russian]

[Ekaterinodarskii birzhevoi komitet, 1915](#) – Ekaterinodarskii birzhevoi komitet. Urozhai 1914 goda i zasorennost' khlebov v Kubanskoj oblasti v svyazi s obshchimi usloviyami sel'skogo khozyaistva [Ekaterinodar exchange committee. Harvest of 1914 and grain dockage in the Kuban area due to general agricultural conditions]. Ekaterinodar, 1915. 62 p. [in Russian]

[Ekaterinodarskii birzhevoi komitet, 1916](#) – Ekaterinodarskii birzhevoi komitet. Urozhai 1915 goda i zasorennost' khlebov v Kubanskoj oblasti v svyazi s obshchimi usloviyami sel'skogo khozyaistva [Ekaterinodar exchange committee. Harvest of 1915 and grain dockage in the Kuban area due to general agricultural conditions]. Ekaterinodar, 1916. 64 p. [in Russian]

[Fadееv, 1959](#) – *Fadееv A.V.* (1959). Vovlechenie Severnogo Kavkaza v ekonomicheskuyu sistemu poreformennoj Rossii (k probleme razvitiya kapitalizma vshir') [North Caucasus involvement into the economic system of post-reform Russia (on the problem of the capitalism development)]. *Istoriya SSSR*. № 6. 40–62. [in Russian]

[GASK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja [State archive of Stavropol Krai]. [in Russian]

[Kaloev, 1981](#) – *Kaloev B.A.* (1981). Zemledelie narodov Severnogo Kavkaza [Agriculture of the North Caucasus peoples]. М. 249 p. [in Russian]

[Khristianovich, 1926](#) – *Khristianovich V.P.* (1926). Sel'skokhozyaistvennye raiony Kabardy [Agricultural regions of the Kabarda]. *Trudy po estestvenno-istoricheskomu i ekonomicheskomu obsledovaniyu Kabardy*. Voronezh. Vol. 2. № 2. 20–165. [in Russian]

[Kolesnikov, 1909](#) – *Kolesnikov V.P.* (1909). Kazach'e zemlepol'zovanie na Kubani i mery k ego uluchsheniyu [The Cossack land tenure in the Kuban and its development measures]. Ekaterinodar. 23 p. [in Russian]

[Kossinskii, 1980](#) – *Kossinskii V.S., Rubanov A.M., Tkachev V.V., Suchilina A.A.* (1980). Osnovy zemledeliya i rastenievodstva [Fundamentals of agriculture and crop farming]. М. 423 p. [in Russian]

[Kotov, 1900](#) – *Kotov P.N.* (1900). Opisanie kubanskogo imeniya «Khutorok» barona V.R. Shteingelya, 1900 g. [Description of the Kuban estate «Khutorok» of baron V.R. Shteingel]. М. 196 p. [in Russian]

[Narden, 1927](#) – *Narden P.A.* (1927). Statistika tabakovodstva i tabachnogo proizvodstva v dorevol'yutsionnoi Rossii (1877–1916 gg.) [Statistic of the tobacco farming and production in the prerevolutionary Russia (1877–1916)]. М.; Л. 27 p. [in Russian]

[Ortabaev, 1979](#) – *Ortabaev B.Kh.* (1979). Zemel'nye otnosheniya i razvitie kapitalizma v sel'skom khozyaistve Severnoi Osetii v kontse XIX – nachale XX v. (1890–1917 gg.) [Land matters and capitalistic development in agriculture of the South Ossetia in late XIX – early XX century]. *Ordzhonikidze*. 182 p. [in Russian]

[Otrygan'ev, 1919](#) – *Otrygan'ev A.L.* (1919). Tabakovodstvo v Kubanskom krae. Statisticheskii obzor [Tobacco farming in the Kuban krai. Statistical review]. Ekaterinodar – Armavir. 48 p. [in Russian]

[PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian empire]. [in Russian]

Ratushnyak, 1973 – *Ratushnyak V.N.* (1973). Evolyutsiya zemlepol'zovaniya i sistem zemledeliya na Kubani (konets XVIII v. – 1917 g.) [Evolution of land tenure and agricultural systems in the Kuban (late XVIII – 1917)]. Problemy otechestvennoi istorii. M. Part 1. 208–227. [in Russian]

Ratushnyak, 1977 – *Ratushnyak V.N.* (1977). K voprosu o zemel'nykh otnosheniyakh v gorskom aule Kubanskoj oblasti v period kapitalizma [The question of land matters in highland aul of the Kuban area during the capitalistic period]. Sbornik statei po istorii Adygei. Maikop. № 1. 98–111. [in Russian]

Ratushnyak, 1985 – *Ratushnyak V.N.* (1985). O nekotorykh spornykh voprosakh sovremennoj teorii i istoricheskoi praktiki sistem zemledeliya [About some disputable points of modern theory and historical practice of the agricultural systems]. Zemledel'cheskoe osvoenie Sibiri v kontse XVII – nachale XX v. Trudovye traditsii krest'yan. Novosibirsk. 7–20. [in Russian]

Razhdaev, 1925 – *Razhdaev P.N.* (1925). Osnovnye cherty organizatsii krest'yanskogo khozyaistva na Severnom Kavkaze [Main features of the North Caucasus peasant agriculture organization]. Rostov-na-Donu. 260 p. [in Russian]

Revizionnyi obzor naselennykh punktov..., 1903 – Revizionnyi obzor naselennykh punktov Eiskogo otdela Kubanskoj oblasti, proizvedennyi v 1903 g. atamanom Eiskogo otdela polkovnikom A.Ya. Kukhareno [Revisional review of populated localities of the Eisk sector of the Kuban area in 1903 by the Eisk ataman A.Y.Kukhareno]. Eisk. 135 p. [in Russian]

Shcherbina, 1889 – *Shcherbina F.A.* (1889). Zemel'naya obshchina kubanskikh kazakov [Land community of Kuban Cossacks]. Voronezh. 207 p. [in Russian]

Skvortsov, 1924 – *Skvortsov S.A.* (1924). Zemlevladienie v Kubanskoj oblasti: ispol'zovanie zemel' obshchinami Kubani [Landowning in the Kuban area: land tenure by the Kuban communities]. Krasnodar. 148 p. [in Russian]

Statistika Rossiiskoi imperii... - Statistika Rossiiskoi imperii. Urozhai 1892–1913 [Statistic of the Russian empire. Harvest of 1892–1913]. SPb., 1893–1914. 420 p. [in Russian]

TGA RSO-A – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania].

Trudy Komissii po issledovaniyu..., 1908 – Trudy Komissii po issledovaniyu sovremenogo polozheniya zemlepol'zovaniya i zemlevladieniya Karachaevskogo naroda Kubanskoj oblasti [Proceedings of the Commission for research of modern situation on the land tenure and landowning of the Karachai people of the Kuban area]. Vladikavkaz. 167 p. [in Russian]

Tvalchrelidze, 1897 – *Tvalchrelidze A.* (1897). Stavropol'skaya guberniya v statisticheskom, geograficheskom, istoricheskom i sel'skokhozyaistvennom otnosheniyakh [The Stavropol province within statistical, geographical, historical and agricultural background]. Stavropol. 741 p. [in Russian]

Земледелие Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв.: особенности эволюции

Валерий Николаевич Ратушняк ^{a, *}, Татьяна Витальевна Ратушняк ^a

^a Кубанский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Северокавказский регион, как составная часть Кавказа, по праву считается одним из древнейших очагов мирового земледелия. Истоки современного земледелия Северного Кавказа зародились в конце XIX в., когда полеводство стало приоритетным в сельскохозяйственном производстве региона, особенно в его степной части. Однако поступательное развитие земледелия в регионе эволюционировало противоречиво, что зависело в первую очередь от социально-экономических условий (многоземелье в степной зоне и малоземелье в предгорной, развитие аренды и т.д.). Высокое содержание гумуса (перегоя) в пахотном горизонте степей обусловило длительное применение экстенсивных систем земледелия и даже бессистемную эксплуатацию почвы. Но это вовсе не означало застоя в развитии капиталистического производства, где все шире и шире применялся наемный рабочий труд и новейшая сельхозтехника. Использование залежно-переложной системы земледелия диктовалось в то время экономической целесообразностью. Низкая урожайность, но на значительной площади, требовала небольших расходов, оправдывая экстенсивное ведение хозяйства. Однако по мере сокращения полевых наделов казаки и крестьяне все чаще переходили к более интенсивным системам обработки почвы. В предгорьях, где полеводство развивалось за счет повышенного напряжения сил производителя, шло сокращение отдельных видов зерновых культур, обусловленное их ростом в степной зоне.

Ключевые слова: Северный Кавказ, полеводство, системы земледелия, степи, предгорья, табак, зерновые, пропашные культуры, община, севооборот.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: ratushnyak_vn@mail.ru (В.Н. Ратушняк), tatyana.ratushnyak@mail.ru (Т.В. Ратушняк)